

Теннисная партия – самый лучший спектакль

Миндаугас КАРБАУСКИС явно выделяется среди прочих молодых режиссеров. Не только с профессиональной точки зрения, но и по уровню отношения к жизни. Творческая биография пока скупа на факты. Родился в Литве. Окончил театральную академию в Вильнюсе как актер. Но на сцену в этом качестве выходил недолго, около года. Уехал в Москву. Поступил в РАТИ (ГИТИС) на режиссерский курс П. Фоменко. В 2001 году дебютировал на профессиональной сцене в Табакерке со спектаклем "Долгий рождественский обед". Там же выпустил "Лицедей", а в чеховском МХАТе – "Старосветских помещиков". Через месяц на большой мхатовской сцене состоится премьера спектакля "Копенгаген" М. Фрейна.

– Миндаугас, молодая режиссура – это прежде всего эпатаж, вызов, эксцентрика, демонстрация закрытых ранее тем. Вы же называете себя консерватором. Почему?

– Это связано с временем до 90-х годов и после. Если я могу быть консерватором, то по отношению к последнему. Мои идеалы сформировались вовремя, уже в 18-19 лет они у меня были. Сказалось и воспитание, и то, что я видел в литовском театре до 90-х годов. Для меня это стало основой. Сегодняшние театральные виражи вправо и влево кажутся мне немножко хаотичными. Я всегда могу над этим поиронизировать. А вот над тем, что я видел тогда, не могу, потому что это был очень профессиональный театр, в том числе и по режиссуре. Поэтому я пробую в себе не уничтожать того, что возникало, когда я рос.

– Но ведь каким-нибудь провокационным вызовом легче привлечь к себе внимание, особенно новому человеку в российской режиссуре.

– В любом случае ты взял повозку, костюмы, актеров и выехал на торговую площадь. Ты должен зарабатывать себе на хлеб, а значит, заинтересовать публику. Это можно сделать по-разному. Быть может, я своей консервативностью как раз и привлекаю, другие – чем-то иным. И все правы, что самое главное. Никто не лучше и не хуже.

– Как вы относитесь к "новой драме"?

– Я ее ставлю.

– Я имею в виду нашу отечественную, молодую и модную.

– А я ставлю западную. Например, "Копенгаген" М. Фрейна. Эта пьеса написана 60-летним человеком, который овладевал профессиональной драматургией опять же немножко раньше. Она новая, но очень профессиональная. И другая пьеса, "Синхрон" швейцарского автора Хюрлемана, которую я буду ставить в Табакерке, тоже новая. И тоже написана взрослым человеком. Как-то это мне ближе, потому что эти

М. Карбаускис

люди все делают по-настоящему.

– "Новое" для вас – понятие хронологическое или не только?

– Я не ассоциирую новое с темами. Эпатаж – это совсем уже не ново. О театре шока я лет с 14 слышу. Я уже говорил и буду говорить, что это все – конъюнктура. Мне все это легкое новое не интересно. Ближе то, над чем мы сейчас, например, трудимся. И понимаем – вот реальное новое. Не только для зрителя, но и для актера. Мы потому и премьеры откладываем, чтобы выйти на сцену в реально новом качестве. Это страшно, потому что не хочется никого обмануть. И самого себя тем более. Вот до сих пор мучаюсь. И что-то интересное вырисовывается. Надеюсь, в хорошем смысле. Точно уже ясно, что подобного действия вы в театре рядышком или за километр не увидите. И за сто километров...

– Принято считать, что современный режиссер призван осмысливать на сцене нашу сегодняшнюю реальность. Вас это, кажется, мало волнует?

– Меня, к счастью, в это насильно никто не вовлекает. Все органично происходит. У нас в ГИТИСе был семестр современной пьесы. Все что-то делали, а я даже тогда не смог в этом поучаствовать, потому что был занят "Геддой Габлер". Все это меня как-то стороной обходит и, наверное, обойдет. Хотя я очень хотел бы попробовать. Одно только останавли-

вает – я не вижу чистой драматургии. То, чему меня учили, мало применимо к этим пьесам.

– Но ведь и драматургия в принципе для многих ваших коллег уходит на второй план.

– Кажется, что искусство – это самовыражение, но я меньше всего об этом думаю. Боюсь отсебятины. Боюсь своих впечатлений, положенных на совсем другие мотивы.

– Вам интереснее выразить не себя, но автора пьесы?

– Конечно. А иначе я долго не выдержу. И никто не выдержит. Надо же работать не год, не два и не три. И для чего тогда человек пишет пьесу, наполняет ее энергией? Это же надо перевести на театральный язык. А одну энергию подавлять другой? Зачем?

– Актеры в ваших спектаклях замечательно работают. Легко находят общий язык?

– А я ничем не больше актера по отношению к пьесе. У каждого из нас своя территория. И должна быть своя воля, которая проявляется.

– Вам проще работать с актерами-ровесниками или это не важно?

– Не важно. Глупо говорить о возрасте. Например, то, что я делаю, в моем возрасте, кажется, рановато делать. Но это есть. И я даже могу сказать, что чего-то не успел. Потому что поздно начал как режиссер. Тот же Коршуновас ставил спектакли в 22 года, а к 28 уже имел свой театр. Я бы о другом говорил – о профессионализме, например.

– Вам хочется иметь свою команду, свой театр?

– Это огромная ответственность.

– Но и куда большая свобода.

– Это не большая свобода. Просто быстрее идет процесс, меньше сложностей, не каждый раз надо заново с людьми знакомиться, привлекать друг к другу. Продуктивнее все. Но иметь каких-то своих людей, ими командовать... У меня не может быть подобного желания, потому что я сын председателя и внук председателя. У нас это в крови – руководить, не ощущая от этого никакой радости. Просто от природы дано. Может быть, поэтому у людей иногда возникает желание быть руководимым и мной. А свой театр? Этого пока нет. И не надо, значит. Хотя это будет, наверное, потому что нет желания. Ведь именно так чаще всего и бывает: ты получаешь то, чего меньше всего хочешь. Полтора года назад я во МХАТе на Новой сцене где-то в углу репетировал с одним удовольствием и без всяких претензий. Сейчас я работаю на большой сцене с Олегом Табаковым, Борисом Плотниковым и Ольгой Барнет. Не хотел... За чем человеку такие сложности, та-

кая ответственность? Но раз людям этого хочется, раз ты нужен, значит, должен соответствовать. Самое главное, что ты нужен.

– А вам самому чего хочется?

– Чтобы работа была на втором плане. Неправильно, когда она на первом стоит. Ну куда бежать, за кем гнаться? Вот теннис показывают по телевизору. Сидел бы, сутками смотрел. Это такая драматургия! Теннисная партия – самый лучший спектакль. Вы замечали, что спортсмены высокого уровня – уже артисты? Вокруг – десятитысячная аудитория. Даже костюмы меняют. Первый сет – в черном, пятый – в белом. Хорошо...

– Вы в театры ходите?

– Нет.

– Совсем?

– В Москве я не был почти нигде. Я не знаю, как выглядят Современник или Сатирик. Был один раз в Маяковке, в Малый ходил на Женовача – надо видеть работы своих учителей. А сейчас вообще не буду ходить.

– Почему?

– Потому что заранее знаю, что увижу. Мне достаточно взглянуть на фотографию. Знаю пьесу, понимаю приемы. Но я не вижу риска. Есть стремление понравиться, завоевать публику. Но не стремление оставаться искренним, честным, взять планку выше. Я в принципе человек не смешливый и иногда не понимаю, почему меня надо обязательно смешить? Профессия режиссера – это ответственность. Любой спектакль – поступок, да? Раньше спектакль могли делать год.

– Сейчас начали говорить о рождении нового режиссерского поколения? Вы ощущаете какое-то корпоративное единство?

– А кого вы имеете в виду?

– Тех, чьи имена на слуху, – Серебренников, Чусова, Невежина, Сенин.

– А меня в числе тех, которые на слуху, называют?

– Конечно.

– Я скажу, что это – абсолютно разные люди, единого движения нет. Поколение есть, оно всегда существует, просто сегодня нашлись люди, которые дали молодым работу. Тот же Табаков или руководитель Центра драматургии и режиссуры. Но почти все впервые проявились в ГИТИСе, и первые наши спектакли игрались там. Для меня более заметно появление Серебренникова – откуда-то со стороны. А с нами все было понятно и раньше. Еще до окончания вуза я знал, что получу работу в Москве. И все остальные – тоже. Я понял, что начнется омоложение театра. А так, мы очень разные. Тренинг никаких. Конкуренции даже не может быть, потому что, я думаю, режиссеров по-прежнему не хватает.

– Как и у многих, если быть честными, пока не хватает профессионализма. Вы, мне кажется, – счастливое исключение.

– Не провоцируйте меня. У каждого есть свои достоинства. Я не умею делать того, чем великопечно владеют Чусова или Сенин. Разная воля, разный посыл, это все-таки творчество.

– Многие ваши коллеги действительно хорошо работают, но пока в одном удачно найденном ключе. А ваши три московских спектакля абсолютно разные.

– Мне больше нравится что-то исследовать для себя, а не просто выдавать готовый продукт. Часто бывает: мне предлагают что-то поставить, я отказываюсь. Например, от пьесы, если не я ее выбрал. Так было с "Копенгагеном", который нашел Табаков. Я отказался принципиально. Мне предложили еще раз. Я понял, что пьесу эту поставить не смогу. Вот тогда согласился.

– Парадоксально звучит.

– А я понял, что этим стоит заняться. Раз я не знаю, как это сделать, значит, что-то обрету, что-то новое узнаю об этой профессии. Ведь только кажется, что один спектакль просто сменяется другим. На репетициях "Копенгагена" я, кстати, впервые ощутил себя в тандеме с художником А. Боровским. Его декорации являлись в каком-то смысле новым словом в сценографии вообще. И еще есть замечательный художник по свету Д. Исмаилов. Я счастлив, что меня к таким людям подпустили. Это язык совершенно другого уровня. Я за ними прячусь иногда.

– Вы не боитесь, что многих ваших мучений и исканий публика, приученная к легкому жанру, не воспримет?

– А я ведь не сегодня живу, я живу 10 лет назад. Есть вещи, к которым надо себя приучать, в том числе и к культуре театральной. Мне кажется, стыдно не быть идеалистом.

– Вас приглашают другие театры, помимо Табакерки и чеховского МХАТа?

– Я – преданный Олегу Павловичу человек. По крайней мере, помню, как я ему сказал: "Я рад служить" Я и буду служить. Меня это удовлетворяет. Других амбиций нет. У меня очень хорошие взаимоотношения и со МХАТом, и с Табакеркой. Самое главное, с людьми, которые не рисуют, не играют и не режиссируют, просто работают. Когда я этих людей люблю, тогда мне хорошо.

Беседу вела
Ирина АЛПАТОВА

Фото
Ларисы КАМЫШЕВОЙ

Кученовская - 2003. - 30 янв. - 5 февр. - с. 9